Приложеніе къ № 1.

«ОСНОВА».

Издатель-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ

Ф. Павленкова.

А. И. Герценъ.

РУССКОЙ НАРОДЪ

и

СОЦІАЛИЗМЪ.

(Письмо къ Ж. Мишле).

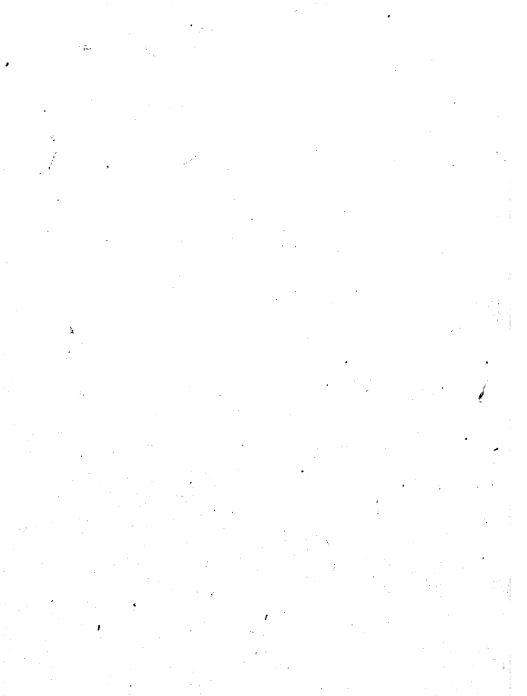
62.1.81

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1906.



Приложеніе къ № 1.

«ОСНОВА».

Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ
Ф. Павленкова.

А. И. Герценъ.

РУССКОЙ НАРОДЪ
И
СОЦІАЛИЗМЪ.

(Письмо къ Ж. Мишле).

Цѣна 10 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1906.

6к 3й.-экз.

„Пловдив 38"

6DK188
.2

776
37

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ [1]).

Письмо это, напечатанное въ первый разъ въ Ниццѣ въ 1851 г., было только извѣстно въ Піемонтѣ и въ Швейцаріи. Въ Марселѣ французская полиція захватила почти все изданіе и по странной разсѣянности забыла отослать его назадъ—несмотря на требованія.

З. Свентославскій издалъ его вторымъ тисненіемъ въ Жерсеѣ въ 1854 г.

Желая послѣдовательно издать всѣ сочиненія г. Герцена, писанныя на другихъ языкахъ, въ русскомъ переводѣ, я издаю это письмо вслѣдъ за письмами къ В. Линтону (*Старый міръ и Россія*).

Переводъ, по моей просьбѣ, былъ пересмотрѣнъ авторомъ.

Н. Трюбнеръ.

20 марта, 1858 г.

---

[1]) Отъ заграничнаго издателя, отпечатавшаго эту статью отдѣльной брошюрой; съ этимъ же замѣчаніемъ статья напечатана и въ 10-томномъ заграничномъ собраніи сочиненій А. И. Герцена.

Милостивый государь!

Вы стоите слишкомъ высоко въ мнѣніи всѣхъ мыслящихъ людей, каждое слово, вытекающее изъ вашего благороднаго пера, принимается европейскою демократіею съ слишкомъ полнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ, чтобы въ дѣлѣ, касающемся самыхъ глубокихъ моихъ убѣжденій, мнѣ было возможно молчать, и оставить безъ отвѣта характеристику русскаго народа, помѣщенную вами въ вашей легендѣ о Костюшкѣ. [1])

Этотъ отвѣтъ необходимъ и по другой причинѣ. Пора показать Европѣ, что, говоря о Россіи, говорятъ не объ отсутствующемъ, не о безотвѣтномъ, не о глухонѣмомъ.

Мы, оставившіе Россію только для того, чтобы свободное русское слово раздалось наконецъ въ Европѣ,— мы тутъ налицо, и считаемъ долгомъ подать свой голосъ, когда человѣкъ, вооруженный огромнымъ и заслуженнымъ авторитетомъ, утверждаетъ, «что Россія не существуетъ, что русскіе не люди, что они лишены нравственнаго смысла».

Если вы разумѣете Россію оффиціальную, царство фасадъ, византійско-нѣмецкое правительство, то вамъ и книги въ руки. Мы соглашаемся впередъ со всѣмъ, что вы намъ скажете. Не намъ тутъ играть роль заступника. У русскаго правительства такъ много агентовъ

---

[1]) Въ фельетонѣ журнала l'Evénement, отъ 18 августа до 17 сентября 1851. г.—Послѣ этого легенда о Костюшкѣ взошла въ особо изданный томъ сочиненій Мишле подъ заглавіемъ «Демократическихъ легендъ.»

въ прессѣ, что въ краснорѣчивыхъ апологіяхъ его дѣйствій никогда не будетъ недостатка.

Но не объ одномъ оффиціальномъ обществѣ идетъ рѣчь въ вашемъ трудѣ; вы затрогиваете вопросъ болѣе глубокій; вы говорите о самомъ народѣ.

Бѣдный русскій народъ! Некому возвысить голосъ въ его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совѣсти, молчать.

Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ, напротивъ того, очень молодъ. Умираютъ люди и въ молодости, это бываетъ, но это не нормально.

Прошлое русскаго народа темно; его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Онъ не *вѣритъ* въ свое настоящее положеніе, онъ имѣетъ дерзость тѣмъ болѣе ожидать отъ времени, чѣмъ менѣе оно дало ему до сихъ поръ.

Самый трудный для русскаго народа періодъ приближается къ концу. Его ожидаетъ страшная борьба; къ ней готовятся его враги.

Великій вопросъ, to be, or not to be, скоро будетъ рѣшенъ для Россіи. Но грѣшно передъ борьбою отчаиваться въ успѣхѣ.

Русскій вопросъ принимаетъ огромные, страшные размѣры; онъ сильно озабочиваетъ всѣ партіи; но мнѣ кажется, что слишкомъ много занимаются Россіею императорскою, Россіею оффиціальной, и слишкомъ мало Россіею народной, Россіею безгласной.

Даже смотря на Россію только съ правительственной точки зрѣнія, не думаете-ли вы, что не мѣшало бы познакомиться поближе съ этимъ неудобнымъ сосѣдомъ, который даетъ чувствовать себя во всей Европѣ, тутъ штыками, тамъ шпіонами? Русское правительство простирается до Средиземнаго моря своимъ покровительствомъ Оттоманской Портѣ, до Рейна своимъ

покровительствомъ нѣмецкимъ своякамъ и дядямъ; до Атлантическаго океана своимъ покровительствомъ *порядку* во Франціи.

Не мѣшало бы, говорю я, оцѣнить по достоинству этого всемірнаго покровителя, изслѣдовать, не имѣетъ ли это странное государство другого призванія, кромѣ отвратительной роли, принятой Петербургскимъ правительствомъ, роли преграды, безпрестанно вырастающей на пути человѣчества.

Европа приближается къ страшному катаклизму. Средневѣковый міръ рушится. Міръ феодальный кончается. Политическія и религіозныя революціи изнемогаютъ подъ бременемъ своего безсилія; онѣ совершили великія дѣла, но не исполнили своей задачи. Онѣ разрушили вѣру въ престолъ и алтарь, но не осуществили свободу; онѣ зажгли въ сердцахъ желанія, которыхъ онѣ не въ силахъ исполнить. Парламентаризмъ, протестантизмъ—все это были лишь отсрочки, временное спасеніе, безсильные оплоты противъ смерти и возрожденія. Ихъ время минуло. Съ 1849 г. стали понимать, что ни окостенѣлое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая деистическая философія, ни безплодный религіозный раціонализмъ не въ силахъ отодвинуть совершеніе судебъ общества.

Гроза приближается, этого отвергать невозможно. Въ этомъ соглашаются люди революціи и люди реакціи. У всѣхъ закружилась голова; тяжелый, жизненный вопросъ лежитъ у всѣхъ на сердцѣ и сдавливаетъ дыханіе. Съ возрастающимъ безпокойствомъ всѣ задаютъ себѣ вопросъ, достанетъ-ли силы на возрожденіе старой Европѣ, этому дряхлому Протею, этому разрушающемуся организму. Со страхомъ ждутъ отвѣта, и это ожиданіе ужасно.

Дѣйствительно, вопросъ страшный!

Сможетъ-ли старая Европа обновить свою остываю-

щую кровь и броситься стремглавъ въ это необозримое будущее, куда увлекаетъ ее необоримая сила, къ которому она несется безъ оглядки, къ которому путь идетъ, можетъ быть, черезъ развалины отцовскаго дома, черезъ обломки минувшихъ цивилизацій, черезъ попранныя богатства новѣйшаго образованія?

Съ обѣихъ сторонъ вѣрно поняли всю важность настоящей минуты. Европа погружена въ глухой, душный мракъ наканунѣ рѣшительной битвы. Это не жизнь, а тяжкое, тревожное томленіе. Ни законности, ни правды, ни даже личины свободы; вездѣ неограниченное господство свѣтской инквизиціи; вмѣсто законнаго порядка—осадное положеніе. Одинъ нравственный двигатель управляетъ всѣмъ—страхъ, и его достаточно. Всѣ вопросы отступаютъ на второй планъ передъ всепоглащающимъ интересомъ реакціи. Правительства, повидимому, самыя враждебныя сливаются въ единую вселенскую полицію. Русскій императоръ, не скрывая своей ненависти къ французамъ, награждаетъ парижскаго префекта полиціи; король неаполитанскій жалуетъ орденъ президенту республики. Берлинскій король, надѣвъ русскій мундиръ, спѣшитъ въ Варшаву обнимать своего врага, императора австрійскаго, въ благодатномъ присутствіи Николая, въ то время какъ онъ, отщепленецъ отъ единой спасающей церкви, предлагаетъ свою помощь римскому владыкѣ. Среди этихъ сатурналій, среди этого шабаша реакціи, ничто не охраняетъ болѣе личности отъ произвола. Даже тѣ гарантіи, которыя существуютъ въ неразвитыхъ обществахъ, въ Китаѣ, въ Персіи, не уважаются болѣе въ столицахъ, такъ называемаго, образованнаго міра.

Едва вѣришь глазамъ. Неужели это та самая Европа, которую мы когда-то знали и любили?

Право, если-бы не было свободной и гордой Англіи, «этого алмаза, оправленнаго въ серебро морей,» какъ

называетъ его Шекспиръ, еслибъ Швейцарія, какъ Петръ, убоявшись Кесаря, отреклась отъ своего начала, еслибъ Піемонтъ, эта уцѣлѣвшая вѣтка Италіи, это послѣднее убѣжище свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Аппенины, еслибъ и они увлеклись примѣромъ сосѣдей, еслибъ и эти три страны заразились мертвящимъ духомъ, вѣющимъ изъ Парижа и Вѣны, можно было бы подумать, что консерваторамъ уже удалось довести старый міръ до конечнаго разложенія, что во Франціи и Германіи уже наступили времена варварства.

Среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и мучительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются къ востоку.

Тамъ, какъ темная гора, вырѣзывающаяся изъ за тумана, виднѣется враждебное, грозное царство; порою кажется, что оно идетъ, какъ лавина, на Европу, что оно, какъ нетерпѣливый наслѣдникъ, готово ускорить ея медленную смерть.

Это царство, совершенно неизвѣстное двѣсти лѣтъ тому назадъ, явилось вдругъ, безъ всякихъ правъ, безъ всякаго приглашенія, грубо и громко заговорило въ совѣтѣ европейскихъ державъ, и потребовало себѣ доли въ добычѣ, собранной безъ его содѣйствія.

Никто не посмѣлъ возстать противъ его притязаній на вмѣшательство во всѣ дѣла Европы.

Карлъ XII попытался, но его до тѣхъ поръ непобѣдимый мечъ сломился; Фридрихъ II захотѣлъ воспротивиться посягательствамъ петербургскаго двора; Кёнигсбергъ и Берлинъ сдѣлались добычею сѣвернаго врага. Наполеонъ проникъ съ полумилліономъ войска въ самое сердце исполина и уѣхалъ одинъ украдкою, въ первыхъ попавшихся пошевняхъ. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на бѣгство Наполеона, на несущіяся за нимъ въ погоню тучи казаковъ, на русскія войска,

идущія въ Парижъ и подающія по дорогѣ нѣмцамъ милостыню—ихъ національной независимости. Съ тѣхъ поръ Россія налегла, какъ вампиръ, на судьбы Европы и стережетъ ошибки царей и народовъ. Вчера она чуть не раздавила Австрію, помогая ей противъ Венгріи, завтра она провозгласитъ Бранденбургъ русскою губерніею, чтобы успокоить берлинскаго короля.

Вѣроятно ли, что наканунѣ борьбы объ этомъ бойцѣ ничего не знаютъ? А между тѣмъ онъ уже стоитъ грозный, въ полномъ вооруженіи, готовый переступить границу по первому зову реакціи. И при всемъ томъ, едва знаютъ его оружіе, цвѣтъ его знамени, и довольствуются его оффиціальными рѣчами и неопредѣленными разногласными разсказами о немъ.

Иные говорятъ только о всемогуществѣ царя, о правительственномъ произволѣ, о рабскомъ духѣ подданныхъ; другіе утверждаютъ напротивъ, что петербургскій имперіализмъ не народенъ, что народъ, раздавленный двойнымъ деспотизмомъ правительства и помѣщиковъ, несетъ ярмо, но не мирится съ нимъ, что онъ не уничтоженъ, а только несчастенъ, и въ то же время говорятъ, что этотъ самый народъ придаетъ единство и силу колоссальному царству, которое давитъ его. Иные прибавляютъ, что русскій народъ *презрѣнный сбродъ* пьяницъ и плутовъ; другіе же увѣряютъ, что Россія населена способною и богато одаренною породою людей.

Мнѣ кажется, есть что-то трагическое въ старческой разсѣянности, съ которою старый міръ спутываетъ всѣ свѣдѣнія о своемъ противникѣ.

Въ этомъ сбродѣ противорѣчащихъ мнѣній проглядываетъ столько безсмысленныхъ повтореній, такая печальная поверхностность, такая закоснѣлость въ предразсудкахъ, что мы поневолѣ обращаемся за сравненіемъ къ временамъ паденія Рима.

Тогда, также наканунѣ переворота, наканунѣ побѣды варваровъ, провозглашали вѣчность Рима, безсильное безуміе Назареевъ и ничтожность движенія, начинавшагося въ варварскомъ мірѣ.

Вамъ принадлежитъ великая заслуга: вы первый во Франціи заговорили о русскомъ народѣ, вы невзначай коснулись самаго сердца, самаго источника жизни. Истина сейчасъ бы обнаружилась вашему взору, еслибъ въ минуту гнѣва вы не отдернули протянутой руки, еслибъ вы не отвернулись отъ источника, потому что онъ показался мутнымъ.

Я съ глубокимъ прискорбіемъ прочелъ ваши озлобленныя слова. Печальный, съ тоскою въ сердцѣ, я, признаюсь, напрасно искалъ въ нихъ историка, философа и прежде всего любящаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ и любимъ. Спѣшу оговориться; я вполнѣ понялъ причину вашего негодованія: въ васъ заговорила симпатія къ несчастной Польшѣ. Мы также глубоко испытываемъ это чувство къ нашимъ братьямъ полякамъ, и у насъ это чувство не только жалость, а также стыдъ и угрызеніе совѣсти. Любовь къ Польшѣ! Мы всѣ ее любимъ, но развѣ съ этимъ чувствомъ необходимо сопрягать ненависть къ другому народу, столь же несчастному, народу, который принужденъ былъ своими связанными руками помогать злодѣйствамъ свирѣпаго правительства? Будемъ великодушны, не забудемъ, что на нашихъ глазахъ народъ, вооруженный всѣми трофеями недавней революціи, согласился на возстановленіе варшавскаго порядка въ Римѣ; а сегодня... взгляните сами, что происходитъ вокругъ васъ...а вѣдь мы не говоримъ еще, чтобы французы *перестали быть людьми.*

Пора забыть эту несчастную борьбу между братьями. Между нами нѣтъ побѣдителя. Польша и Россія подавлены общимъ врагомъ. Жертвы, мученики, и тѣ

отворачиваются отъ прошлаго, равно печальнаго для нихъ и для насъ. Ссылаюсь, какъ вы, на вашего друга, на великаго поэта Мицкевича.

Не говорите о мнѣніяхъ польскаго пѣвца, что «это милосердіе, святое заблужденіе». Нѣтъ, это плоды долгой и добросовѣстной думы, глубокаго пониманія судебъ славянскаго міра. Прощеніе враговъ—прекрасный подвигъ; но есть подвигъ еще болѣе прекрасный, еще больше человѣческій; это пониманіе враговъ, потому что пониманіе — разомъ прощеніе, оправданіе, примиреніе!

Славянскій міръ стремится къ единству, это стремленіе обнаружилось тотчасъ послѣ Наполеоновскаго періода. Мысль о славянской федераціи уже зарождалась въ революціонныхъ планахъ Пестеля и Муравьева. Многіе поляки участвовали въ тогдашнемъ русскомъ заговорѣ.

Когда вспыхнула въ Варшавѣ революція 1830 года, русскій народъ не обнаружилъ ни малѣйшей вражды противъ ослушниковъ воли царской. Молодежь всѣмъ сердцемъ сочувствовала полякамъ. Я помню, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы извѣстія изъ Варшавы; мы плакали, какъ дѣти, при вѣсти о поминкахъ, справленныхъ въ столицѣ Польши по нашимъ петербургскимъ мученикамъ. Сочувствіе къ полякамъ подвергало насъ жестокимъ наказаніямъ; поневолѣ надобно было скрывать его въ сердцѣ и молчать.

Очень можетъ быть, что во время войны 1830 года, въ Польшѣ преобладало чувство исключительной національности и весьма понятной вражды. Но съ тѣхъ поръ дѣятельность Мицкевича, историческіе и филологическіе труды многихъ славянъ, болѣе глубокое знаніе европейскихъ народовъ, купленное тяжелою цѣною изгнанія, дали мыслямъ совсѣмъ другое направленіе. Поляки почувствовали, что борьба идетъ не между

русскимъ народомъ и ими, они поняли, что имъ впредь можно сражаться не иначе, какъ *за ихъ и нашу свободу*, какъ было написано на ихъ революціонномъ знамени.

Конарскій, измученный и застрѣленный Николаемъ въ Вильнѣ, призывалъ къ возстанію русскихъ и поляковъ, безъ различія племени. Россія отблагодарила его одною изъ тѣхъ едва извѣстныхъ трагедій, которыми оканчивается у насъ всякое героическое проявленіе воли подъ давленіемъ нѣмецкихъ ботфортовъ.

Армейскій офицеръ Короваевъ рѣшился спасти Конарскаго. День его дежурства приближался; все было приготовлено для бѣгства, когда предательство одного изъ товарищей польскаго мученика разрушило его планы. Молодого человѣка арестовали, отправили въ Сибирь и съ тѣхъ поръ объ немъ не было никогда слуховъ.

Я провелъ пять лѣтъ въ ссылкѣ, въ отдаленныхъ губерніяхъ имперіи; много встрѣчалъ я тамъ ссыльныхъ поляковъ. Почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ живетъ либо цѣлое семейство, либо одинъ изъ несчастныхъ воиновъ независимости. Я охотно сослался бы на ихъ свидѣтельство; конечно, они не могутъ пожаловаться на недостатокъ симпатіи со стороны мѣстныхъ жителей. Разумѣется, тутъ рѣчь идетъ не о полиціи и не о высшей военной іерархіи. Онѣ нигдѣ не отличаются любовью къ свободѣ, тѣмъ паче въ Россіи. Я могъ бы сослаться также на польскихъ студентовъ, посылаемыхъ ежегодно въ русскіе университеты, для удаленія отъ родныхъ вліяній; пусть они разскажутъ, какъ принимали ихъ русскіе товарищи. Они разставались съ нами со слезами на глазахъ.

Вы помните, что въ 1847 году, въ Парижѣ, когда польскіе эмигранты праздновали годовщину своей революціи, на трибунѣ явился русскій, чтобы просить о

дружбѣ и о забвеніи прошлаго. Это былъ нашъ несчастный другъ Бакунинъ... Впрочемъ, чтобъ не ссылаться на соотечественниковъ, выбираю между тѣми, которыхъ считаютъ нашими врагами, человѣка, котораго вы сами назвали въ вашей легендѣ о Костюшкѣ. Обратитесь за свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ одному изъ старѣйшинъ польской демократіи, къ Бернацкому, одному изъ министровъ революціонной Польши; я смѣло ссылаюсь на него, долгое горе конечно могло бы ожесточить его противъ всего русскаго. Я убѣжденъ, что онъ подтвердитъ все сказанное мною.

Солидарность, связывающая Россію и Польшу между собою и со всѣмъ славянскимъ міромъ, не можетъ быть отвергнута; она очевидна. Еще болѣе: внѣ Россіи нѣтъ будущности для славянскаго міра; безъ Россіи онъ не разовьется, онъ расплывается и будетъ поглощенъ германскимъ элементомъ; онъ сдѣлается австрійскимъ и потеряетъ свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнѣнію, его судьба, его назначеніе.

Слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ вашей мысли, я долженъ вамъ признаться, что мнѣ невозможно согласиться съ вашимъ взглядомъ, по которому вся Европа представляетъ одну личность, въ которой каждая народность играетъ роль необходимаго органа.

Мнѣ кажется, что всѣ германо-романскія народности необходимы въ европейскомъ мірѣ, потому что онѣ существуютъ въ немъ вслѣдствіе какой нибудь необходимости. Уже Аристотель отличалъ предсуществующую необходимость отъ необходимости, вносимой въ послѣдствіи фактовъ. Природа покоряется необходимости совершившихся событій, но колебаніе между разнообразными возможностями очень велико. На томъ же основаніи славянскій міръ можетъ предъявлять свои права на единство, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ изъ единаго племени.

Централизація противна славянскому духу; федерализація гораздо свойственнѣе его характеру. Только сгруппировавшись въ союзъ свободныхъ и самобытныхъ народовъ, славянскій міръ вступитъ наконецъ въ истинно-историческое существованіе. На его прошлое можно смотрѣть только какъ на ростъ, на приготовленіе, на очищеніе. Историческія государственныя формы, въ которыхъ жили славяне, не соотвѣтствовали внутренней національной потребности ихъ, потребности неопредѣленной, инстинктивной, если хотите, но тѣмъ самымъ заявляющей необыкновенную жизненность и много обѣщающей въ будущемъ. Славяне до сихъ поръ во всѣхъ фазахъ своей исторіи обнаруживали странное полувниманіе — даже удивительную симпатію. Такъ, Россія перешла изъ язычества въ христіанство безъ потрясеній, безъ возмущеній, единственно изъ покорности великому князю Владиміру, изъ подражанія Кіеву. Старыхъ идоловъ безъ сожалѣнія бросили въ Волховъ и покорились новому богу, какъ новому идолу. Восемьсотъ лѣтъ спустя, часть Россіи точно также покорилась выписной изъ за границы цивилизаціи.

Славянскій міръ похожъ на женщину, никогда не любившую и по этому самому, повидимому, не принимающую никакого участія во всемъ происходящемъ вокругъ нея. Она вездѣ ненужна, всѣмъ чужая. Но за будущее отвѣчать нельзя; она еще молода и уже странное томленіе овладѣло ея сердцемъ и заставляетъ его биться скорѣе.

Что касается до богатства народнаго духа, то намъ достаточно указать на поляковъ, единственный славянскій народъ, который бывалъ разомъ и силенъ и свободенъ.

Славянскій міръ въ сущности не такъ разнороденъ, какъ кажется. Подъ внѣшнимъ слоемъ рыцарской, либеральной и католической Польши, императорской, порабощенной, византійской Россіи, подъ демократиче-

скимъ направленіемъ сербскаго воеводы, подъ бюрократическимъ ярмомъ, которымъ Австрія подавляетъ Иллирію, Далмацію и Банатъ, подъ патріархальною властію Османлисовъ и подъ благословеніемъ черногорскаго Владыки живетъ народъ физіологически и этнографически тождественный.

Бо̀льшая часть этихъ славянскихъ племенъ почти никогда не подвергалась порабощенію вслѣдствіе завоеванія. Зависимость, въ которой такъ часто находились они, большею частію выражалась только въ признаніи чужого владычества и во взносѣ дани. Таковъ, напримѣръ, былъ характеръ монгольскаго владычества въ Россіи. Такимъ образомъ, славяне сквозь длинный рядъ столѣтій сохранили свою національность, свои нравы, свой языкъ.

По всему вышесказанному, не имѣемъ ли мы право считать Россію зерномъ кристаллизаціи, тѣмъ центромъ, къ которому тяготѣетъ стремящійся къ единству славянскій міръ, и это тѣмъ болѣе, что Россія—покуда единственная часть великаго племени, сложившаяся въ сильное и независимое государство?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы совершенно ясенъ, если бы петербургское правительство сколько нибудь догадывалось о своемъ національномъ призваніи, еслибъ этотъ тупой и мертвящій деспотизмъ могъ ужиться съ какою нибудь человѣческою мыслію. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ, какой добросовѣстный человѣкъ рѣшится предложить западнымъ славянамъ соединеніе съ имперіею, находящеюся постоянно въ осадномъ положеніи, имперіею, гдѣ скипетръ превратился въ заколачивающую на смерть палку?

Императорскій панславизмъ, восхваляемый отъ времени до времени людьми, купленными или заблуждающимися, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго съ союзомъ, основаннымъ на началахъ свободы.

Академія Наукъ СССР

Здѣсь логика необходимо приводитъ насъ къ вопросу первостепенной важности.

Предположивъ, что славянскій міръ можетъ надѣяться въ будущемъ на болѣе полное развитіе, нельзя не спросить, который изъ элементовъ, выразившихся въ его зародышномъ состояніи, даетъ ему право на такую надежду? Если славяне считаютъ, что ихъ время пришло, то этотъ элементъ долженъ соотвѣтствовать революціонной идеѣ въ Европѣ.

Вы указали на этотъ элементъ, вы коснулись его, но онъ ускользнулъ отъ васъ, потому что благородное состраданіе къ Польшѣ отвлекло ваше вниманіе.

Вы говорите, что «основаніе жизни русскаго народа есть *коммунизмъ*», вы утверждаете, что «его сила лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли».

Какое страшное *Мане-Θекелъ* вылетѣло изъ вашихъ устъ!.. Коммунизмъ въ основаніи! Сила, основанная на раздѣлѣ земель! И вы не испугались вашихъ собственныхъ словъ?

Не слѣдовало ли тутъ остановиться, подумать, углубиться въ вопросъ, оставить его не прежде, чѣмъ убѣдившись, мечта это или истина?

Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой нибудь серьезный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земель?

Увлеченный вашимъ негодованіемъ, вы продолжаете: «У нихъ (русскихъ) недостаетъ существеннаго признака человѣчности, нравственнаго чутья, чувства добра и зла. Истина и правда не имѣютъ для нихъ смысла; заговорите о нихъ,—они молчатъ, улыбаются и не знаютъ, что значатъ эти слова». Кто же тѣ русскіе, съ которыми вы говорили? Какія понятія о правдѣ и истинѣ оказались для нихъ недоступными? Этотъ вопросъ не лишній. Въ наше глубоко-революціонное

время слова *правда* и *истина* утратили свое абсолютное, тождественное для всѣхъ значеніе.

Истина и *правда* старой Европы въ глазахъ Европы рождающейся—*неправда* и *ложь*.

Народы—произведенія природы; исторія—прогрессивное продолженія животнаго развитія. Прилагая нашъ нравственный масштабъ къ природѣ, мы далеко не уйдемъ. Ей дѣла нѣтъ ни до нашей хулы, ни до нашего одобренія. Для нея не существуютъ приговоры и Монтіоновскія преміи. Она не подпадаетъ подъ этическія категоріи, созданныя нашимъ личнымъ произволомъ. Мнѣ кажется, что народъ нельзя назвать ни дурнымъ, ни хорошимъ. Въ народѣ всегда выражается истина. Жизнь народа не можетъ быть ложью. Природа производитъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ: она увлекаетъ впередъ все существующее своимъ творческимъ броженіемъ, своею неутомимой жаждой осуществленія, этою жаждой, общей всему живущему.

Есть народы, жившіе жизнью до-исторической; другіе, живущіе жизнью внѣ-историческою; но разъ вступивши въ широкій потокъ единой и нераздѣльной исторіи, они принадлежатъ *человѣчеству*, и съ другой стороны имъ принадлежитъ все прошлое человѣчества. Въ исторіи, т. е. въ дѣятельной и прогрессивной части человѣчества, мало по малу сглаживается аристократія лицевого угла, цвѣта кожи и другихъ различій. То, что не очеловѣчилось, не можетъ вступить въ исторію; поэтому нѣтъ народа, взошедшаго въ исторію, котораго можно было бы считать стадомъ животныхъ, какъ нѣтъ народа, заслуживающаго именоваться сонмомъ избранныхъ.

Нѣтъ человѣка довольно смѣлаго или довольно неблагодарнаго, чтобы отвергать огромное значеніе Франціи въ судьбахъ европейскаго міра; но позвольте

мнѣ откровенно признаться, что я не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, по которому участіе Франціи— условіе sine qua non дальнѣйшаго хода исторіи.

Природа никогда не кладетъ весь свой капиталъ на одну карту. Римъ, вѣчный городъ, имѣвшій не меньше правъ на всемірную гегемонію, пошатнулся, разрушился, исчезъ, и безжалостное человѣчество шагнуло впередъ черезъ его могилу.

Съ другой стороны, трудно было бы, не считая природу за осуществленное безуміе, видѣть лишь отверженное племя, лишь громадную ложь, лишь случайный сборъ существъ человѣческихъ только по порокамъ—въ народѣ, разроставшемся въ теченіе десяти столѣтій, упорно хранившемъ свою національность, сплотившемся въ огромное государство, вмѣшивающемся въ исторію гораздо болѣе, можетъ быть, чѣмъ бы слѣдовало.

И все это тѣмъ труднѣе принять, что занимающій насъ народъ, даже по словамъ его враговъ, нисколько не находится въ застоѣ. Это вовсе не племя, дошедшее до общественныхъ формъ, приблизительно соотвѣтствующихъ его желаніямъ, и уснувшее въ нихъ, какъ китайцы; еще менѣе—народъ, пережившій себя и угасающій въ старческой немощи, какъ индусы. Напротивъ того, Россія—государство совершенно новое, неконченное зданіе, гдѣ все еще пахнетъ свѣжей известью, гдѣ все работаетъ и вырабатывается, гдѣ ничто еще не достигло цѣли, гдѣ все измѣняется, часто къ худшему, но все таки измѣняется. Однимъ словомъ, это народъ, по вашему мнѣнію, имѣющій основнымъ началомъ коммунизмъ, сильный раздѣломъ земель....

Въ чемъ, наконецъ, упрекаете вы русскій народъ? Въ чемъ состоитъ сущность вашего обвиненія?

«Русскій, говорите вы, лжетъ и крадетъ; постоянно крадетъ, постоянно лжетъ, и это совершенно невинно; это въ его природѣ».

Я не останавливаюсь на чрезмѣрномъ обобщеніи вашего приговора, но обращаюсь къ вамъ съ простымъ вопросомъ: кого обманываетъ, кого обкрадываетъ русскій человѣкъ? Кого, какъ не помѣщика, не чиновника, не управляющаго, не полицейскаго, однимъ словомъ, заклятыхъ враговъ крестьянина, которыхъ онъ считаетъ за басурмановъ, за отступниковъ, за полунѣмцевъ? Лишенный всякой возможности защиты, онъ хитритъ со своими мучителями, онъ ихъ обманываетъ, и въ этомъ совершенно правъ. Хитрость, м. г., по словамъ великаго мыслителя, *) иронія грубой власти.

Русскій крестьянинъ, при своемъ отвращеніи отъ личной поземельной собственности, такъ вѣрно подмѣченномъ вами, при своей беззаботной и лѣнивой природѣ, мало по малу и незамѣтно запутался въ сѣти нѣмецкой бюрократіи и помѣщичьей власти. Онъ подвергся этому унижающему злу съ страдательною покорностью, но онъ не повѣрилъ ни правамъ помѣщика, ни правдѣ судовъ, ни законности исполнительной власти. Вотъ уже почти двѣсти лѣтъ, какъ все его существованіе стало глухою отрицательною оппозиціею противъ существующаго порядка вещей. Онъ покоряется притѣсненію, онъ терпитъ, но не причастенъ ничему, что происходитъ внѣ сельской общины.

Имя царя еще возбуждаетъ въ народѣ суевѣрное сочувствіе; не передъ царемъ Николаемъ благоговѣетъ народъ, но передъ отвлеченной идеею, передъ миѳомъ; въ народномъ воображеніи царь представляется грознымъ мстителемъ, осуществленіемъ правды, земнымъ провидѣніемъ.

Послѣ царя, одно духовенство могло бы имѣть вліяніе на православную Россію. Оно одно представляетъ въ правительственныхъ сферахъ старую Русь;

*) Гегель въ посмертныхъ сочиненіяхъ.

духовенство не брѣетъ бороды, и тѣмъ самымъ осталось на сторонѣ народа. Народъ съ довѣріемъ слушаетъ монаховъ. Но монахи и высшее духовенство, исключительно занятые жизнію загробной, ни мало не заботятся о народѣ. Попы же утратили всякое вліяніе вслѣдствіе жадности, пьянства и близкихъ сношеній съ полиціей. И здѣсь народъ уважаетъ идею, но не личности.

Что до раскольниковъ, то они ненавидятъ и лицо и идею, и попа и царя.

Кромѣ царя и духовенства, всѣ элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянинъ находится, въ буквальномъ смыслѣ слова, внѣ закона. Судъ ему не заступникъ, и все его участіе въ существующемъ порядкѣ дѣлъ ограничивается двойнымъ налогомъ, тяготѣющимъ на немъ, и который онъ взноситъ трудомъ и кровью. Отверженный всѣми, онъ понялъ инстинктивно, что все управленіе устроено не въ его пользу, а ему въ ущербъ, и что задача правительства и помѣщиковъ состоитъ въ томъ, какъ бы вымучить изъ него побольше труда, побольше рекрутъ, побольше денегъ. Понявши это, и одаренный смѣтливымъ и гибкимъ умомъ, онъ обманываетъ ихъ вездѣ и во всемъ. Иначе и быть не можетъ; еслибъ онъ говорилъ правду, онъ тѣмъ самымъ признавалъ бы надъ собою ихъ власть; еслибъ онъ ихъ не обкрадывалъ (замѣтьте, что со стороны крестьянина считаютъ покражею утайку части произведеній собственнаго труда), онъ тѣмъ самымъ признавалъ бы законность ихъ требованій, права помѣщиковъ и справедливость судей.

Надобно видѣть русскаго крестьянина передъ судомъ, чтобы вполнѣ понять его положеніе; надобно видѣть его убитое лицо, его пугливый испытующій взоръ, чтобы понять, что это военно-плѣнный передъ

военнымъ совѣтомъ, путникъ передъ шайкой разбойниковъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что жертва не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ этимъ враждебнымъ, безжалостнымъ, ненасытнымъ грабителямъ, которые допрашиваютъ, терзаютъ и обираютъ его. Онъ знаетъ, что если у него есть деньги, то онъ будетъ правъ, если нѣтъ—виноватъ.

Русскій народъ говоритъ своимъ старымъ языкомъ; судьи и подъячіе пишутъ новымъ бюрократическимъ языкомъ, уродливымъ и едва понятнымъ,—они наполняютъ цѣлые infolio грамматическими несообразностями и скороговоркой отчитываютъ крестьянину эту чепуху. Понимай, какъ знаешь, и выпутывайся, какъ умѣешь. Крестьянинъ видитъ къ чему это клонится и держитъ себя осторожно. Онъ не скажетъ лишняго слова, онъ скрываетъ свою тревогу и стоитъ молча, прикидываясь дуракомъ.

Крестьянинъ, оправданный судомъ, плетется домой такой же печальный, какъ послѣ приговора. Въ обоихъ случаяхъ рѣшеніе кажется ему дѣломъ произвола или случайности.

Такимъ образомъ, когда его призываютъ въ свидѣтели, онъ упорно отзывается невѣдѣніемъ, даже противъ самой неопровержимой очевидности. Приговоръ суда не мараетъ человѣка въ глазахъ русскаго народа. Ссыльные, каторжные слывутъ у него *несчастными*.

Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Внѣ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи. Роковая сторона его характера состоитъ въ томъ, что онъ покоряется этому насилію, а не въ томъ, что онъ отрицаетъ его по своему и старается оградить себя хитростью. Ложь передъ судьею, поставленнымъ незаконною властію, гораздо откровеннѣе, чѣмъ лице-

мѣрное уваженіе къ присяжнымъ, подтасованнымъ купленнымъ префектомъ. Народъ уважаетъ только тѣ установленія, въ которыхъ отразились присущія ему понятія о законѣ и правѣ.

Есть фактъ, несомнѣнный для всякаго, кто близко познакомится съ русскимъ народомъ. Крестьяне рѣдко обманываютъ другъ друга; между ними господствуетъ почти неограниченное довѣріе, они не знаютъ контрактовъ и письменныхъ условій.

Вопросы о размежеваніи полосъ по необходимости бываютъ очень сложны при безпрестанныхъ раздѣлахъ земель по числу тяголъ; между тѣмъ дѣло обходится безъ жалобъ и процессовъ. Помѣщики и правительство жадно ищутъ случая для вмѣшательства; но этотъ случай не представляется. Мелкія несогласія повергаются на судъ старикамъ или міру, и ихъ рѣшеніе безпрекословно принимается всѣми. Точно также въ артеляхъ. Артели составляются часто изъ нѣсколькихъ сотенъ работниковъ, соединяющихся на опредѣленное время, напримѣръ, на годъ. По прошествіи года, работники дѣлятъ между собою заработки по трудамъ каждаго и по общему соглашенію. Полиція никогда не имѣетъ удовольствія вмѣшиваться въ ихъ счеты. Почти всегда артель отвѣчаетъ за каждаго изъ артельщиковъ.

Еще тѣснѣе становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. Отъ времени до времени правительство устраиваетъ дикій набѣгъ на какую нибудь раскольничью деревню. Крестьянъ сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, все это безъ всякаго плана, безъ послѣдовательности, безъ всякаго повода и нужды, единственно для того, чтобы удовлетворить требованіямъ духовенства и дать занятіе полиціи. При этихъ то охотахъ по раскольникамъ обнаруживается вновь характеръ русскихъ

крестьянъ, солидарность, связывающая ихъ между собою. Тогда то надобно видѣть, какъ они успѣваютъ обманывать полицію, спасать своихъ братьевъ, скрывать священные книги и сосуды, какъ они претерпѣваютъ, не проговариваясь, самыя ужасныя муки. Пусть укажутъ мнѣ хоть одинъ случай, въ которомъ бы раскольничья община была выдана крестьяниномъ, хотя бы и православнымъ.

Это свойство русскаго характера дѣлаетъ полицейскія слѣдствія чрезвычайно затруднительными. Нельзя этому не порадоваться отъ души. У русскаго крестьянина нѣтъ нравственности, кромѣ вытекающей инстинктивно, естественно изъ его коммунизма; эта нравственность глубоко-народная; немногое, что извѣстно ему изъ евангелія, поддерживаетъ ее; явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству. *)

---

*) Крестьянская община, принадлежавшая кн. Козловскому, откупилась на волю. Землю раздѣлили между крестьянами сообразно суммамъ, внесеннымъ каждымъ изъ нихъ въ складчину для выкупа. Это распоряженіе, повидимому, было самое естественное и справедливое. Однакожъ крестьяне нашли его столь неудобнымъ и несогласнымъ съ ихъ обычаями, что они рѣшились распредѣлить между собою всю сумму выкупа, какъ-бы долгъ лежащій на общинѣ, и раздѣлить земли по принятому обыкновенію. Этотъ фактъ приводится *г. Гакстгаузеномъ*. Авторъ самъ посѣщалъ упомянутую деревню.

Г. Тенгоборскій говоритъ въ книгѣ, недавно вышедшей въ Парижѣ и посвященной императору Николаю, что эта система раздѣла земель кажется ему неблагопріятною для земледѣлія (какъ будто ея цѣль успѣхи земледѣлія!), но, впрочемъ, прибавляетъ: «Трудно устранить эти неудобства потому, что эта система дѣленій связана съ устройствомъ нашихъ общинъ, до *котораго коснуться было бы опасно*: оно построено на ея основной мысли объ единствѣ общины и о правѣ каждаго члена на часть общиннаго владѣнія, соразмѣрную его силамъ, поэтому оно поддерживаетъ общинный духъ, этотъ надежный оплотъ общественнаго порядка. Оно въ то же время самая лучшая защита про-

Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства и отъ императорской цивилизаціи, отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательства власти; она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ*.

Это обстоятельство безконечно важно для Россіи.

Русское самодержавіе вступаетъ въ новый фазисъ. Выросшее изъ антинаціональной революціи, оно исполнило свое назначеніе; оно осуществило громадную имперію, грозное войско, правительственную централизацію. Лишенное дѣйствительныхъ корней, лишенное преданій, оно обречено на бездѣйствіе; правда, оно возложило было на себя новую задачу—внести въ Россію западную цивилизацію; и оно до нѣкоторой степени успѣвало въ этомъ, пока еще играло роль просвѣщеннаго правительства.

тивъ распространенія пролетаріата и коммунистическихъ идей (Понятно, что для народа, обладающаго на дѣлѣ владѣніемъ сообща, коммунистическія идеи не представляютъ никакой опасности). «Въ высшей степени замѣчателенъ здравый смыслъ, съ которымъ крестьяне устраняютъ, гдѣ это нужно, неудобства своей системы; легкость, съ которою они соглашаются между собою въ вознагражденіи неровностей, лежащихъ въ достоинствахъ почвы, и довѣріе, съ которымъ каждый покоряется опредѣленіямъ старшинъ общины. Можно было бы подумать, что безпрестанные дѣлежи подаютъ поводъ къ безпрестаннымъ спорамъ, а между тѣмъ вмѣшательство властей становится нужнымъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Этотъ фактъ, *весьма странный самъ по себѣ*, объясняется только тѣмъ, что эта система при всѣхъ своихъ неудобствахъ такъ срослась съ нравами и понятіями народа, что эти неудобства переносятся безропотно».

«Настолько, говоритъ тотъ же авторъ, идея общины природна русскому народу и осуществляется во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, насколько противенъ его нравамъ корпораціонный муниципальный духъ, воплотившійся въ западномъ мѣщанствѣ. *(Тенгоборскій:* «О производительныхъ силахъ Россіи», т. I.).

Эта роль теперь оставлена имъ.

Правительство, распавшееся съ народомъ во имя цивилизаціи, не замедлило отречься отъ образованія во имя самодержавія.

Оно отреклось отъ цивилизаціи, какъ скоро сквозь ея стремленія сталъ проглядывать трехцвѣтный призракъ либерализма; оно попыталось вернуться къ національности, къ народу. Это было невозможно. Народъ и правительство не имѣли ничего общаго между собою; первый отвыкъ отъ послѣдняго, а правительству чудился въ глубинѣ массъ новый призракъ, еще болѣе страшный, призракъ *краснаго* пѣтуха. Конечно, либерализмъ былъ менѣе опасенъ, чѣмъ новая пугачевщина, но страхъ и отвращеніе отъ либеральныхъ идей стали такъ сильны, что правительство не могло болѣе примириться съ цивилизаціею.

Съ тѣхъ поръ единственной цѣлью царизма остался царизмъ. Онъ властвуетъ, чтобы властвовать. Громадныя силы употребляются на взаимное уничтоженіе, на сохраненіе искусственнаго покоя.

Но самодержавіе для самодержавія напослѣдокъ становится невозможнымъ; это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ безплодно.

Оно почувствовало это и стало искать занятія въ Европѣ. Дѣятельность русской дипломатіи неутомима; повсюду сыплются ноты, совѣты, угрозы, обѣщанія, снуютъ агенты и шпіоны.

Императоръ считаетъ себя естественнымъ покровителемъ нѣмецкихъ принцевъ; онъ вмѣшивается во всѣ мелкія интриги мелкихъ германскихъ дворовъ; онъ рѣшаетъ всѣ споры; то побранитъ одного, то наградитъ другого великой княжной. Но этого недостаточно для его дѣятельности. Онъ принимаетъ на себя обязанность перваго жандарма вселенной; онъ опора всѣхъ реакцій, всѣхъ гоненій. Онъ играетъ роль представи-

теля монархическаго начала въ Европѣ, позволяетъ себѣ аристократическія замашки, словно онъ Бурбонъ или Плантагенетъ, словно его царедворцы Глостеры или Монморанси.

Къ сожалѣнію, нѣтъ ничего общаго между феодальнымъ монархизмомъ съ его опредѣленнымъ началомъ, съ его прошлымъ, съ его соціальной и религіозной идеею, и наполеоновскимъ деспотизмомъ петербургскаго царя, имѣющимъ за себя лишь печальную историческую необходимость, преходящую пользу, не опирающимся ни на какомъ нравственномъ началѣ.

И зимній дворецъ, какъ вершина горы подъ конецъ осени, покрывается все болѣе и болѣе снѣгомъ и льдомъ. Жизненные соки, искусственно поднятые до этихъ правительственныхъ вершинъ, мало по малу застываютъ; остается одна матеріальная сила и твердость скалы, еще выдерживающей напоръ революціонныхъ волнъ.

Николай, окруженный генералами, министрами, бюрократами, старается забыть свое одиночество, но становится часъ отъ часу мрачнѣе, печальнѣе, тревожнѣе. Онъ видитъ. что его не любятъ; онъ замѣчаетъ мертвое молчаніе, царствующее вокругъ него, по явственно доходящему гулу далекой бури, которая какъ будто къ нему приближается. Царь хочетъ забыться. Онъ громко провозгласилъ, что его цѣль — увеличеніе императорской власти.

Это признаніе не новость; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ онъ безъ устали, безъ отдыха трудится для этой единственной цѣли, для нея онъ не пожалѣлъ ни слезъ, ни крови своихъ подданныхъ.

Все ему удалось; онъ раздавилъ польскую народность. Въ Россіи онъ подавилъ либерализмъ.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, еще хочется ему? отчего онъ такъ мраченъ?

Императоръ чувствуетъ, что Польша еще не умерла. На мѣсто либерализма, который онъ гналъ съ ожесточеніемъ совершенно напраснымъ, потому что этотъ экзотическій цвѣтокъ не можетъ укорениться на русской почвѣ, встаетъ другой вопросъ, грозный какъ громовая туча.

Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія; вы сами приводите тому страшный примѣръ.

Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести къ жертву свои права. Царь колеблется и мѣшаетъ; онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему.

Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли; что освобожденіе земли въ свою очередь начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно, отодвинуть его рѣшеніе до слѣдующаго царствованія конечно легче, но это малодушно, и въ сущности это только нѣсколько часовъ, потерянныхъ на скверной почтовой станціи безъ лошадей...

Изъ всего этого вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной; какое это счастіе для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія.

Европа, я это сказалъ въ другомъ мѣстѣ, не разрѣшила антиноміи между личностью и государствомъ, но она поставила себѣ задачею это разрѣшеніе. Россія также не нашла этого рѣшенія. Передъ этимъ вопросомъ начинается наше равенство.

Европа на первомъ шагу къ соціальной революціи встрѣчается съ этимъ народомъ, который представляетъ ему осуществленіе полудикое, неустроенное,—но все-таки осуществленіе постояннаго дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтьте, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ, его жизненный процессъ. Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не больше какъ средство, какъ закваска, какъ посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европою. Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*, точно также какъ во Франціи—работникъ.

Но если такъ, не имѣетъ ли русскій народъ нѣкоторое право на снисхожденіе съ вашей стороны, м. г.?

Бѣдный крестьянинъ! На него обрушиваются всевозможныя несправедливости. Императоръ преслѣдуетъ его рекрутскими наборами. Помѣщикъ крадетъ у него трудъ, чиновникъ послѣдній рубль. Крестьянинъ молчитъ, терпитъ, но не отчаивается,—у него остается община. Вырвутъ ли изъ нея членъ,—община сдвигается еще тѣснѣе; кажется эта участь достойна сожалѣнія; а между тѣмъ она никого не трогаетъ. Вмѣсто того, чтобы заступаться за крестьянина, его обвиняютъ.

Вы не оставляете ему даже послѣдняго убѣжища, гдѣ онъ еще чувствуетъ себя человѣкомъ, гдѣ онъ любитъ и не боится; вы говорите: «его община — не община, его семейство—не семейство, его жена—не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику; его дѣти—не его дѣти: кто знаетъ, кто ихъ отецъ?»

Такъ вы подвергаете этотъ несчастный народъ не научному разбору, но презрѣнію другихъ народовъ, которые съ довѣріемъ внимаютъ вашимъ легендамъ.

Я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Семейный бытъ у всѣхъ славянъ чрезвычайно

сильно развитъ; это, можетъ быть, единственный консервативный элементъ ихъ характера, предѣлъ ихъ отрицанья.

Сельская семья неохотно дробится; нерѣдко три-четыре поколѣнія проживаютъ подъ однимъ кровомъ, вокругъ патріархально властвующаго дѣда. Женщина, обыкновенно угнетенная, какъ это бываетъ вездѣ въ земледѣльческомъ сословіи, пользуется уваженіемъ и почетомъ, когда она вдова старшаго въ родѣ.

Нерѣдко вся семья управляется сѣдою бабушкой... Можно ли же сказать, что семья въ Россіи не существуетъ?

Перейдемъ къ отношеніямъ помѣщика къ крѣпостному семейству.

Но для большей ясности отличимъ норму отъ злоупотребленій, право отъ преступленій.

Jus primae noctis никогда не существовалъ въ Россіи.

Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Еслибъ законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно также, какъ если бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкою въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ; обратимся къ фактамъ.

Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ точно также, какъ тотъ достойный французскій дворянинъ въ «Запискахъ Пешо», который, въ XVIII столѣтіи, просилъ, какъ объ особенной милости, о помѣщеніи своей дочери въ Parc-aux-cerfs.

Неудивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи; они большею частію находятся въ положеніи того господина Тьерселенъ, у котораго Берве укралъ, по порученію Людовика XV, одиннадцатилѣтнюю дочь. Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенные нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко неравнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ.

Позвольте мнѣ привести этому доказательство.

Половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ шестидесяти до семидесяти въ годъ), погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ поводамъ рѣдки; крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть топоръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже.

Ограничиваюсь этими намеками о крестьянахъ и прошу васъ выслушать еще нѣсколько словъ о Россіи образованной.

Вы смотрите также не снисходительно на умственное движеніе Россіи, какъ и на народный характеръ; однимъ почеркомъ пера вы вычеркиваете всѣ труды, совершенные до сихъ поръ нашими скованными руками.

Одно изъ лицъ Шекспира, не зная, чѣмъ унизить презрѣннаго противника, говоритъ ему: «я сомнѣваюсь даже въ твоемъ существованіи!» Вы пошли далѣе: для васъ несомнѣнно, что русская литература не существуетъ.

Привожу ваши собственныя слова:

«Мы не станемъ придавать важности опытамъ тѣхъ немногихъ умныхъ людей, которые вздумали упра-

жняться въ русскомъ языкѣ и обманывать Европу блѣднымъ призракомъ будто бы русской литературы. Еслибъ не мое глубокое уваженіе къ Мицкевичу и къ его заблужденіямъ святого, я право обвинилъ бы его за снисхожденіе (можно даже сказать) за милость, съ которою онъ говоритъ объ этой шуткѣ».

Я напрасно доискиваюсь, м. г., причинъ этого презрѣнія, съ которымъ вы встрѣчаете первый болѣзненный крикъ народа, проснувшагося въ тюрьмѣ, этотъ стонъ, сдавленный рукою тюремщика.

Отчего не захотѣли вы прислушаться къ потрясающимъ звукамъ нашей грустной поэзіи, къ нашимъ напѣвамъ, въ которыхъ слышатся рыданія? Что скрыло отъ вашего взора нашъ судорожный смѣхъ, эту безпрестанную иронію, подъ которой скрывается глубоко измученное сердце, которая въ сущности лишь роковое признаніе нашего безсилія?

О, какъ я хотѣлъ бы достойнымъ образомъ перевести вамъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, нѣсколько пѣсенъ Кольцова! Вы бы тогда намъ тотчасъ протянули дружескую руку, вы первый попросили бы насъ забыть сказанное вами!

Послѣ крестьянскаго коммунизма, ничего такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе.

Между крестьяниномъ и литературою подымается чудовище офиціальной Россіи. «Россія — ложь, Россія —холера», какъ вы ее назвали.

Эта Россія начинается съ императора и идетъ отъ жандарма до жандарма, отъ чиновника до чиновника, до послѣдняго полицейскаго въ самомъ отдаленномъ закоулкѣ имперіи. Каждая ступень этой лѣстницы пріобрѣтаетъ, какъ въ Дантовскихъ Bolgi новую силу зла, новую степень разврата и жестокости. Это живая пи-

рамида изъ преступленій, злоупотребленій, подкуповъ, полицейскихъ, негодяевъ, нѣмецкихъ бездушныхъ администраторовъ вѣчно голодныхъ, невѣждъ-судей вѣчно-пьяныхъ, аристократовъ вѣчно-подлыхъ; все это связано сообществомъ грабительства и добычи, и опирается на шестьсотъ тысячъ органическихъ машинъ съ штыками.

Крестьянинъ никогда не марается объ этотъ міръ правительственнаго цинизма; онъ терпитъ его существованіе,—въ этомъ его единственная вина.

Станъ враждебный Россіи официальной состоитъ изъ горсти людей, на все готовыхъ, протестующихъ противъ нея, борющихся съ нею, обличающихъ, подкапывающихъ ее. Этихъ одинокихъ бойцовъ, отъ времени до времени, запираютъ въ казематы, терзаютъ, ссылаютъ въ Сибирь, но ихъ мѣсто недолго остается пустымъ; новые борцы выступаютъ впередъ; это наше преданіе, нашъ майоратъ.

Страшныя послѣдствія человѣческой рѣчи въ Россіи по необходимости придаютъ ей особенную силу. Съ любовью и благоговѣніемъ прислушиваются къ вольному слову, потому что у насъ его произносятъ только тѣ, у которыхъ есть что сказать. Не вдругъ рѣшаешься передавать свои мысли печати, когда въ концѣ каждой страницы мерещится жандармъ, тройка, кибитка, и въ перспективѣ Тобольскъ или Иркутскъ.

Въ послѣдней моей брошюркѣ *) я достаточно говорилъ объ русской литературѣ; ограничусь здѣсь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Грусть, скептицизмъ, иронія—вотъ три главныя струны русской лиры.

Когда Пушкинъ начинаетъ одно изъ своихъ лучшихъ твореній этими страшными словами:

*) «Du développement des idées révolutionnaires en Russie.»

Всѣ говорятъ—нѣтъ правды на землѣ...
Но правды нѣтъ—и выше!
Мнѣ это ясно, какъ простая гамма...

не сжимается ли у васъ сердце, не угадываете ли вы, сквозь это видимое спокойствіе, разбитое существованіе человѣка, уже привыкшаго къ страданію?

Лермонтовъ, въ своемъ глубокомъ отвращеніи къ окружавшему его обществу, обращается на тридцатомъ году къ своимъ современникамъ, со своимъ страшнымъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье,
Его грядущее иль пусто, иль темно.

Я знаю только одного современнаго поэта, съ такою же мощью затрогивающаго мрачныя струны души человѣческой. Это также поэтъ, родившійся въ рабствѣ и умершій прежде возрожденія отечества. Это пѣвецъ смерти, Леопарди, которому міръ казался громаднымъ союзомъ преступниковъ, безжалостно преслѣдующихъ горсть праведныхъ безумцевъ.

Россія имѣетъ только одного живописца, пріобрѣтшаго общую извѣстность, Брюллова. Чтоже изображаетъ его лучшее произведеніе, доставившее ему славу въ Италіи?

Взгляните на это странное произведеніе.

На огромномъ полотнѣ тѣснятся въ безпорядкѣ испуганныя группы; онѣ напрасно ищутъ спасенія. Онѣ погибнутъ отъ землетрясенія, вулканическаго изверженія, среди цѣлой бури катаклизмовъ. Ихъ уничтожаетъ дикая, безсмысленная, безпощадная сила, противъ которой всякое сопротивленіе невозможно. Это вдохновенія, навѣянныя петербургскою атмосферою.

Русскій романъ обращается исключительно въ области патологической анатоміи; въ немъ постоянное указаніе на грызущее насъ зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здѣсь не услышите голоса съ не-

ба, возвѣщающаго Фаусту прощеніе юной грѣшницѣ,— здѣсь возвышаютъ голосъ только сомнѣніе и проклятіе. А между тѣмъ, если для Россіи есть спасеніе, она будетъ спасена именно этимъ глубокимъ сознаніемъ нашего положенія, правдивостью, съ которою она обнаруживаетъ это положеніе передъ всѣми.

Тотъ, кто смѣло признается въ своихъ недостаткахъ, чувствуетъ, что въ немъ есть нѣчто сохранившееся среди отступленій и паденій; онъ знаетъ, что можетъ искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сдѣлаться изъ «Сарданапала-гуляки—Сарданапаломъ-героемъ».

Русскій народъ не читаетъ. Вы знаете, что также Вольтера и Данте читали не поселяне, а дворяне и часть средняго сословія. Въ Россіи образованная часть средняго сословія примыкаетъ къ дворянству, которое состоитъ изъ всего того, что перестало быть народомъ. Существуетъ даже дворянскій пролетаріатъ, сливающійся съ народомъ, и пролетаріатъ вольноотпущенный, подымающійся къ дворянству. Эта флуктуація, это безпрестанное обновленіе придаетъ русскому дворянству характеръ, котораго вы не найдете въ привилегированныхъ классахъ отсталой Европы. Однимъ словомъ, вся исторія Россіи со временъ Петра I есть только исторія дворянства и вліяній просвѣщенія на него. Прибавлю, что русское дворянство числомъ равняется избирателямъ во Франціи, по закону 21 мая.

Впродолженіи XVIII вѣка ново-русская литература вырабатывала тотъ звучный, богатый языкъ, которымъ мы обладаемъ теперь: языкъ гибкій и могучій, способный выражать и самыя отвлеченныя идеи германской метафизики и легкую сверкающую игру французскаго остроумія. Эта литература, возникшая по геніальному мановенію Петра I, имѣла—это правда,—характеръ

правительственный, но тогда знамя правительства былъ прогрессъ, почти революція.

До 1789 года императорскій тронъ самодовольно драпировался въ величественныя складки просвѣщенія и философіи. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревнями и дворцами изъ раскрашенныхъ досокъ .. Никто, какъ она, не умѣлъ ослѣплять зрителей величественной обстановкой. Въ эрмитажѣ только и слышно было, что о Вольтерѣ, о Монтескье, о Беккаріи. Вамъ извѣстенъ, м. г., оборотъ медали.

Однако среди тріумфальнаго хора придворныхъ пѣснопѣній, уже звучала одна странная, неожидаемая нота. Это былъ звукъ той скептической, грозно насмѣшливой струны, передъ которымъ должны были скоро умолкнуть всѣ прочіе искусственные напѣвы.

Настоящій характеръ русской мысли поэтической и спекулятивной развивается въ полной силѣ по восшествіи на престолъ Николая. Отличительная черта этого направленія—трагическое освобожденіе совѣсти, безжалостное отрицаніе, горькая иронія, мучительное углубленіе въ самого себя. Иногда все это разражается безумнымъ смѣхомъ, но въ этомъ смѣхѣ нѣтъ ничего веселаго.

Брошенный въ гнетущую среду, вооруженный яснымъ взглядомъ и неподкупной логикой, русскій быстро освобождается отъ вѣры и отъ нравовъ своихъ отцовъ.

Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому?.. Но что служитъ исходной точкой новой исторіи Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?

Или, можетъ быть, преданіе петербургскаго періода? Это преданіе не обязываетъ насъ ни къ чему, этотъ «пятый актъ кровавой драмы, происходящій въ пу-

бличномъ домѣ» *), напротивъ, развязываетъ насъ окончательно.

Съ другой стороны, прошлое западныхъ народовъ служитъ намъ наученіемъ, и только; мы нисколько не считаемъ себя душеприказчиками ихъ историческихъ завѣщаній.

Мы раздѣляемъ ваши сомнѣнія, но ваша вѣра не согрѣваетъ насъ. Мы раздѣляемъ вашу ненависть, но не понимаемъ вашей привязанности къ завѣщанному предками; мы слишкомъ угнетены, слишкомъ несчастны, чтобы довольствоваться полу-свободой. Васъ связываютъ скрупулы, васъ удерживаютъ заднія мысли. У насъ нѣтъ ни заднихъ мыслей, ни скрупуловъ; у насъ только недостаетъ силы.

Вотъ откуда въ насъ эта иронія, эта тоска, которая насъ точитъ, доводитъ насъ до бѣшенства, толкаетъ насъ впередъ, пока добьемся мы Сибири, истязанія, ссылки, преждевременной смерти. Мы жертвуемъ собою безъ всякой надежды, отъ желчи, отъ скуки... Въ нашей жизни, въ самомъ дѣлѣ, есть что то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего коснаго, ничего мѣщанскаго.

Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ того, что вы уважаете. Можно ли упрекать найденыша за то, что онъ не уважаетъ своихъ родителей? Мы независимы, потому что начинаемъ жизнь сызнова. У насъ нѣтъ ничего законнаго, кромѣ нашего организма, нашей народности; это наша сущность, наша плоть и кровь, но отнюдь не связывающій авторитетъ. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ. Намъ почти нечего любить. Всѣ наши воспо-

*) По прекрасному выраженію одного изъ сотрудниковъ журнала Il Progresso въ номерѣ отъ 1 августа 1851 года, въ статьѣ о Россіи.

минанія исполнены горечи и злобы. Образованіе, науку подали намъ на концѣ кнута.

Какое же намъ дѣло до вашихъ завѣтныхъ обязанностей, намъ, младшимъ братьямъ, лишеннымъ наслѣдства? И можемъ ли мы по совѣсти довольствоваться вашею изношенною нравственностью, нехристіанскою и нечеловѣческою, существующею только въ реторическихъ упражненіяхъ и въ прокурорскихъ докладахъ? Какое уваженіе можетъ внушать намъ ваша римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее зданіе безъ свѣта и воздуха, подновленное въ средніе вѣка, подбѣленное вольноотпущеннымъ мѣщанствомъ? Согласенъ, что дневной разбой въ русскихъ судахъ еще хуже, но изъ этого не слѣдуетъ, что у васъ есть справедливость въ законахъ и судахъ.

Различіе между вашими законами и нашими указами заключается только въ заглавной формулѣ. Указы начинаются подавляющей истиною: царь соизволилъ повелѣть; ваши законы начинаются возмутительною ложью—ироническимъ злоупотребленіемъ имени французскаго народа и словами: свобода, братство и равенство. Николаевскій сводъ расчитанъ противъ подданныхъ и въ пользу самодержавія. Наполеоновскій сводъ имѣетъ рѣшительно тотъ же характеръ. На насъ лежитъ слишкомъ много цѣпей, чтобы мы добровольно надѣли на себя еще новыя. Въ этомъ отношеніи мы стоимъ совершенно на ряду съ нашими крестьянами. Мы покоряемся грубой силѣ. Мы рабы потому, что не имѣемъ возможности освободиться; но мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ.

Россія никогда не будетъ протестантскою.

Россія никогда не будетъ juste-milieu.

Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлію отдѣлаться отъ царя Николая и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями-полицейскими.

Мы, можетъ быть, требуемъ слишкомъ много, и ничего не достигнемъ. Можетъ быть, такъ, но мы все таки не отчаиваемся; прежде 1848 года Россіи не должно, не возможно было вступать въ революціонное поприще, ей слѣдовало доучиться и теперь она доучилась. Самъ царь это замѣчаетъ и свирѣпствуетъ противъ университетовъ, противъ идей, противъ науки; онъ старается отрѣзать Россію отъ Европы, убить просвѣщеніе. Онъ дѣлаетъ свое дѣло.

Успѣетъ ли онъ въ немъ?

Я уже сказалъ это прежде: не слѣдуетъ слѣпо вѣрить въ будущее; каждый зародышъ имѣетъ право на развитіе, но не каждый развивается. Будущее Россіи зависитъ не отъ нея одной. Оно связано съ будущимъ Европы. Кто можетъ предсказать судьбу славянскаго міра въ случаѣ, если реакція и абсолютизмъ окончательно побѣдятъ революцію въ Европѣ?

Быть можетъ онъ погибнетъ?

Но въ такомъ случаѣ погибнетъ и Европа...

И исторія перенесется въ Америку...

Написавши предыдущее, я получилъ послѣдніе два фельетона вашей легенды. Прочитавши ихъ, первымъ моимъ движеніемъ было бросить въ огонь написанное мною. Ваше теплое, благородное сердце не дождалось, чтобы кто нибудь другой поднялъ голосъ въ пользу непризнаннаго русскаго народа. Ваша любящая душа взяла верхъ надъ принятою вами ролью *неумолимаго* судьи, мстителя за измученный польскій народъ. Вы впали въ противорѣчіе, но такія противорѣчія благородны.

Перечитывая мое письмо, я однако подумалъ, что вы можете найти въ немъ новые взгляды на Россію и на славянскій міръ, и я рѣшился послать его вамъ. Я вполнѣ надѣюсь, что вы простите тѣ мѣста, гдѣ я

увлекся своею скиѳскою горячностію. Кровь варваровъ не даромъ течетъ въ моихъ жилахъ. Мнѣ такъ хотѣлось измѣнить ваше мнѣніе о русскомъ народѣ; мнѣ было такъ грустно, такъ тяжело видѣть, что вы противъ насъ, что я не могъ скрыть своей горести, своего волненія, и далъ волю перу. Но теперь я вижу, что вы въ насъ не отчаиваетесь, что подъ грубымъ армякомъ русскаго крестьянина вы узнали человѣка, я это вижу и въ свою очередь признаюсь вамъ, что вполнѣ понимаю то впечатлѣніе, которое должно производить одно имя Россіи на всякаго свободнаго человѣка. Мы часто сами проклинаемъ наше несчастное отечество. Вы это знаете, вы сами говорите: что все, что вы сказали о нравственномъ ничтожествѣ Россіи, слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе.

Но и для насъ проходитъ время надгробныхъ рѣчей по Россіи, и мы говоримъ съ вами «въ этой мысли таится искра жизни». Вы угадали ее, эту искру, силою вашей любви; но мы, мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ. Эту искру не потушатъ ни потоки крови, ни сибирскіе льды, ни духота рудниковъ и тюремъ. Пусть разгорается она подъ золою! Холодное мертвящее дуновеніе, которымъ вѣетъ отъ Европы, можетъ ее погасить.

Для насъ часъ дѣйствія еще не насталъ; Франція еще по справедливости гордится своимъ передовымъ положеніемъ. Ей до 1852 года принадлежитъ трудное право. Европа, безъ сомнѣнія, прежде насъ достигнетъ гроба или новой жизни. День дѣйствія, можетъ быть, еще далеко для насъ; день сознанія мысли, слова уже пришелъ. Довольно жили мы въ снѣ и молчаніи; пора намъ разсказывать, что намъ снилось, до чего мы додумались.

И, въ самомъ дѣлѣ, кто виноватъ въ томъ, что надобно было дожить до 1847 года, чтобы «нѣмецъ (Гакстгаузенъ) *открылъ*, какъ вы выражаетесь, на-

родную Россію, столь же неизвѣстную до него, какъ Америка до Колумба?»

Виноваты конечно мы, мы бѣдные, нѣмые, съ нашимъ малодушіемъ, съ нашею боязливою рѣчью, съ нашимъ запуганнымъ воображеніемъ. Мы даже за границею боимся признаваться въ ненависти, съ которою мы смотримъ на наши оковы. Каторжники отъ рожденія, обреченные влачить до смерти ядро, прикованное къ нашимъ ногамъ, мы обижаемся, когда объ насъ говорятъ, какъ о добровольныхъ рабахъ, какъ о мерзлыхъ неграхъ, а между тѣмъ мы не протестуемъ открыто.

Слѣдуетъ ли смиренно покориться этимъ нареканіямъ, или рѣшиться остановить ихъ, возвысивъ голосъ для свободной русской рѣчи. Лучше погибнуть подозрѣваемыми въ человѣческомъ достоинствѣ, чѣмъ жить съ позорнымъ знакомъ рабства на лбу, чѣмъ слушать, какъ насъ обвиняютъ въ добровольномъ порабощеніи.

Къ несчастію, въ Россіи свободная рѣчь удивляетъ, пугаетъ. Я попытался приподнять только край тяжелой завѣсы, скрывающей насъ отъ Европы, я указалъ только на теоретическія стремленія, на отдаленныя надежды, на органическіе элементы будущаго развитія; а между тѣмъ моя книга, о которой выразились такъ лестно, произвела въ Россіи неблагопріятное впечатлѣніе. Дружескіе голоса, уважаемые мною, порицаютъ ее. Въ ней видятъ обвиненіе на Россію. Обвиненіе!.. въ чемъ же? Въ нашихъ страданіяхъ, въ нашихъ бѣдствіяхъ, въ нашемъ желаніи вырваться изъ этого ненавистнаго состоянія... Бѣдные, дорогіе друзья, простите мнѣ это преступленіе; я снова впадаю въ него.

Тяжко, ужасно ярмо долгаго рабства, безъ борьбы, безъ близкой надежды! Оно напослѣдокъ подавляетъ самое благородное, самое сильное сердце. Гдѣ герой,

котораго, наконецъ, не сломила бы усталь, который не предпочелъ бы на старости лѣтъ покой вѣчной тревогѣ безплодныхъ усилій?

Нѣтъ, я не умолкну! Мое слово отомститъ за эти несчастныя существованія, разбитыя русскимъ самовластьемъ, доводящимъ людей до нравственнаго уничтоженія, до духовной смерти.

Мы обязаны говорить; безъ этого никто не узнаетъ, сколько прекраснаго и высокаго эти страдальцы навсегда замыкаютъ въ груди своей, и оно гибнетъ съ ними въ снѣгахъ Сибири, гдѣ даже на ихъ могилѣ не начертится ихъ *преступное* имя, которое ихъ друзья будутъ хранить въ сердцѣ своемъ, не смѣя произносить его.

Едва мы открыли ротъ, едва пролепетали два-три слова о нашихъ желаніяхъ, о нашихъ надеждахъ, и уже хотятъ его зажать, хотятъ заглушить въ колыбели наше свободное слово! Это невозможно.

Для мысли настаетъ время зрѣлости, въ которое ее не могутъ болѣе сковать ни цензурныя мѣры, ни осторожность. Тутъ пропаганда дѣлается страстью; можно ли довольствоваться шептаніемъ на ухо, когда сонъ такъ глубокъ, что его едва ли разсѣешь набатомъ?

Отъ возстанія стрѣльцовъ до заговора 14 декабря въ Россіи не было серьезнаго политическаго движенія. Причина тому понятна: въ народѣ не было ясно опредѣлившихся стремленій къ независимости. Во многомъ онъ соглашался съ правительствомъ, во многомъ правительство опережало народъ. Одни крестьяне, непричастные къ выгодамъ императорскимъ, болѣе чѣмъ когда нибудь угнетенные, попытались возстать. Россія отъ Урала до Пензы и Казани на три мѣсяца подпала власти Пугачева. Императорское войско было отражено, разбито казаками, и генералъ Бибиковъ, посланный изъ Петербурга, чтобы принять команду

войска, писалъ, если я не ошибаюсь, изъ Нижняго: «дѣла идутъ очень плохо; болѣе всего надобно бояться не вооруженныхъ полчищъ бунтовщиковъ, а духа народнаго, который опасенъ, очень опасенъ».

Послѣ неслыханныхъ усилій, востаніе наконецъ было подавлено. Народъ впалъ въ оцѣпенѣніе, умолкъ и покорился...

Между тѣмъ дворянство развивалось, образованіе начинало оплодотворять умы и, какъ живое доказательство этой политической зрѣлости нравственнаго развитія, необходимо выражающейся въ дѣятельности, явились эти дивныя личности, эти герои, какъ вы справедливо называете ихъ, которые «одни, въ самой пасти дракона, отважились на смѣлый ударъ 14 декабря».

Ихъ пораженіе, терроръ нынѣшняго царствованія, подавили всякую мысль объ успѣхѣ, всякую преждевременную попытку. Возникли другіе вопросы; никто не хотѣлъ болѣе рисковать жизнію въ надеждѣ на конституцію; было слишкомъ ясно, что партія, завоеванная въ Петербургѣ, разбилась бы о вѣроломство царя; участь польской конституціи была передъ глазами.

Въ продолженіе десяти лѣтъ умственная дѣятельность не могла обнаружиться ни однимъ словомъ, и томительная тоска дошла до того, что «отдавали жизнь за счастіе быть свободнымъ одно мгновенье» и высказать вслухъ хоть часть своей мысли.

Иные отказались отъ своихъ богатствъ съ тою вѣтренною беззаботностію, которая встрѣчается лишь у насъ, да у поляковъ, и отправились на чужбину искать себѣ разсѣянія; другіе, неспособные переносить духоту петербургскаго воздуха, закопали себя въ деревняхъ. Молодежь вдалась кто въ панславизмъ, кто въ нѣмецкую философію, кто въ исторію или въ политическую

экономію; однимъ словомъ, никто изъ тѣхъ русскихъ, которые были призваны къ умственной дѣятельности, не могъ, не захотѣлъ покориться застою.

Исторія Петрашевскаго, приговореннаго къ вѣчной каторгѣ, и его друзей, сосланныхъ въ 1849 году за то, что они въ двухъ шагахъ отъ зимняго дворца образовали нѣсколько политическихъ обществъ, не доказываетъ ли достаточно, по безумной неосторожности, по очевидной невозможности успѣха, что время размышленій прошло, что волненія въ душѣ не сдержишь, что вѣрная гибель стала казаться легче, чѣмъ нѣмая страдательная покорность петербургскому порядку?

Очень распространенная въ Россіи сказка гласитъ, что царь, подозрѣвая жену въ невѣрности, заперъ ее съ сыномъ въ бочку, потомъ велѣлъ засмолить бочку и бросить въ море.

Много лѣтъ плавала бочка по морю.

Между тѣмъ царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ и уже сталъ упираться ногами и головой въ донья бочки. Съ каждымъ днемъ становилось ему тѣснѣе да тѣснѣе. Однажды сказалъ онъ матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться въ волюшку.

— Свѣтикъ мой царевичъ,—отвѣчала мать,—не протягивайся. Бочка лопнетъ, и ты утонешь въ соленой водѣ.

Царевичъ смолкъ и, подумавши, сказалъ:

— Протянусь, матушка; лучше разъ протянуться въ волюшку, да умереть.

Въ этой сказкѣ, м. г., вся наша исторія.

Горе Россіи, если въ ней переведутся смѣлые люди, рискующіе всѣмъ, чтобы хоть разъ протянуться въ волюшку.

Но этого бояться нечего...

Невольно приходитъ мнѣ при этихъ словахъ на мысль М. Бакунинъ. Бакунинъ далъ Европѣ образчикъ вольнаго русскаго человѣка.

Я былъ глубоко тронутъ прекрасными словами, съ которыми вы обращаетесь къ нему. Къ несчастію, эти слова до него не дойдутъ.

Международное преступленіе совершилось: Саксонія выдала свою жертву Австріи, Австрія Николаю. Онъ въ Шлиссельбургѣ, въ этой крѣпости зловѣщей памяти, гдѣ нѣкогда держался взаперти, какъ дикій звѣрь, Иванъ Антоновичъ, внукъ царя Алексѣя, убитый Екатериною II, этою женщиною, которая, еще покрытая кровью мужа, приказала сперва заколоть узника, а потомъ казнить несчастнаго офицера, исполнившаго это приказаніе.

Въ сыромъ казематѣ, у ледяныхъ водъ Ладожскаго озера, нѣтъ мѣста ни для мечтаній, ни для надежды!

Пусть же онъ спокойно заснетъ послѣднимъ сномъ, мученикъ, преданный двумя правительствами, у которыхъ на пальцахъ осталась его кровь...

Слава имени его, и мщеніе!.. Но гдѣ же мститель?.. И мы также погибнемъ на полъ-пути, какъ онъ; но тогда вашимъ строгимъ и величавымъ голосомъ скажите еще разъ нашимъ дѣтямъ, что за ними остается долгъ...

Останавливаюсь на воспоминаніи о Бакунинѣ и жму вамъ крѣпко руку, и за него и за себя.

Ницца, 22 сентября, 1851 г.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

Сочиненія А. И. ГЕРЦЕНА и переписка съ Н. А. Захарьиной. Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя), 7 томовъ. Цѣна 12 руб.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея вошло 197 біографій замѣчательныхъ людей въ 190 книжкахъ, объемомъ отъ 80 до 160 стр., снабженныхъ портретами. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ приложены: географ. карты, снимки съ картинъ и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 к.

Курсивомъ набраны имена русскихъ дѣятелей.

I. **ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕЛИГІИ И ЦЕРКВИ:** Будда (Сакіа-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, М. Лютеръ, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Францискъ Ассизскій, Цвингли.—*Аввакумъ* (глава русск. раскола), *патріархъ Никонъ.*

II. **ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ И НАРОДНЫЕ ГЕРОИ:** Александръ Македонскій и Юлій Цезарь (2 біографіи въ одной книжкѣ), Бисмаркъ, Вашингтонъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гракхи, Демосоенъ и Цицеронъ (2 біографіи въ одной книжкѣ), Кромвель, Линкольнъ, Меттерних, Мирабо, Томасъ Моръ, Наполеонъ I, Ришелье.—*Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Кайкринъ, Меншиковъ, Петръ Великій, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Богданъ Хмельницкій.*

III. **УЧЕНЫЕ:** Беккаріа и Бентамъ (2 біографіи въ одной книжкѣ), Бокль, Вирховъ, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лаплась и Эйлеръ (2 біографіи въ одной книжкѣ), Лассаль, Линней, Ляйелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Ньютонъ, Паскаль, Пастеръ, Прудонъ, Адамъ

Смитъ, Фарадей.—*К. Беръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.*

IV. **ФИЛОСОФЫ:** Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Джіордано Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. **ФИЛАНТРОПЫ И ДѢЯТЕЛИ ПО НАРОДНОМУ ПРОСВѢЩЕНІЮ:** Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франклинъ.—*Каразинъ (основатель харьков. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.*

VI. **ПУТЕШЕСТВЕННИКИ:** Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—*Пржевальскій.*

VII. **ИЗОБРѢТАТЕЛИ И ЛЮДИ ШИРОКАГО ПОЧИНА:** Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрѣтатели фотографіи, въ одной книжкѣ), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣтат. жел. дорогъ и пароходовъ, въ одной книжкѣ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—*Демидовы.*

VIII. **ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ И РУССКІЕ. Иностранные писатели:** Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Беранже, Берне, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гёте, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Элліотъ.

Русскіе писатели: *Аксаковы, Бѣлинскій, Герценъ, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Никитинъ, Островскій, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (бар. Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.*

IX. **ХУДОЖНИКИ:** Леонардо-да-Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—*Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.*

X. **МУЗЫКАНТЫ И АКТЕРЫ:** Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—*Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.*

Въ трущобахъ Англіи. Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества. Бутса. Съ англ., подъ ред. Р. Сементковскаго. Ц. 1 р.

Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Уэбба. Съ англ. Ц. 1 р. 50 к.

Женщины и экономическое отношеніе. Шарлотты Стэтсонъ. Перев. съ англ. Ц. 1 р.

Современная женщина. Ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. Брандта. Ц. 60 к.

Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичн. половыхъ признакахъ у человѣка. Гевлокъ Эллиса. Съ рис. Ц. 1 р.

Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Гирша. Съ нѣмец. Ц. 30 к.

Недостатки современнаго полицейскаго надзора за общественной нравственностью. Проституція и торговля женщинами. Мѣры борьбы съ этимъ зломъ. Геннеамъ-Рина. Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.

Вѣчный миръ и разоруженіе. М. Энгельгардта. Ц. 25 к.

Современное народовѣдѣніе Ахелиса. Съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Философія исторіи въ ея главнѣйшихъ теченіяхъ. К. Раппопорта. Ц. 75 к.

Исторія культуры. Липперта. Перев съ нѣм. Съ 83 рис. 6-е изд. Ц. 1 р. 60 к.

Политическая исторія современной Европы. Ш. Сеньобоса. Перев. подъ ред. А. Трачевскаго. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія XIX вѣка. (1789—1899). Марешаля. Переводъ съ франц. подъ ред. проф. Трачевскаго. Ц. 3 р.

Исторія первобытныхъ людей. Э. Клодда. Перев. съ англ. М. Энгельгардта. Съ 88 рис. Ц. 40 к.

Первобытные люди. Дебьера. Перев. съ франц. съ дополн. М. Энгельгардта. 2-е изд. Съ 84 рис. Ц. 75 к.

Происхожденіе семьи, собственности и государства. Д-ръ Энгельса. Перев. съ нѣм. 2-е изд. Ц. 50 к.

Исторія семьи. Липперта. Перев. съ нѣм. Ц. 60 к.

Исторія французской революціи. П. Карно. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

Исторія французской революціи. Лависса и Рамбо. Перев. съ франц. Толшина. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчная утопія. А. Кирхенгейма. Перев. съ нѣм. Съ приложеніемъ главы «Страна свободы» изъ книги Ф. Клейнверхтера: «Государственные романы». Ц. 1 р. 25 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды. Том. Карлейля. 2-е изд. Перев. съ англ. В. Яковенко. Ц. 1 р.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. В. Луковникова, С.-Петербургъ, Лештуковъ пер., 2.